

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия "Филология". Том 20 (59). 2007 г. №4. С.392-396.

УДК: 811-112; 801.73;81-116; 811.14'04; 811.63.1; 81'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОСВОЕНИЯ «ЧУЖОГО СЛОВА» ВО ВТОРИЧНЫХ САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГИМНОГРАФИИ)

Чевела О.В.

*Казанское высшее артиллерийское командное училище (военный институт),
Казанская Духовная Семинария, г. Казань, Россия*

В статье ставится проблема объективной трактовки интертекстуальности при изучении и интерпретации сакральных текстов. Автор рассматривает текст гимнов в контексте диалога культур, выявляет универсальные первичные элементы, механизмы образования и трансформации.

Ключевые слова: герменевтика, интертекст, перевод, греческий, древнеславянский

Актуальность исследования. В современном постструктурализме и философии дискурса господствует субъективное понимание интертекста и интертекстуальности, которая предстает как «общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» – Рональд Барт [1, с. 78]. Текст предстает как историко-культурная парадигма, где хаотически переплетены элементы различных эпох и культурных влияний, как нескончаемый диалог культур во времени и пространстве (М.М. Бахтин). В русле субъективизма переосмыслен в современной «философии дискурса» основополагающий принцип построения сакрального текста «не от себя износим слово», где «на смену Автору приходит скриптор, который рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма» [2, с. 73].

История вопроса. Положение о диалоговой структуре текста, предполагающей акт понимания как коммуникативную ситуацию (*писущий и читатель, автор и слушатель*), содержится уже у Августина. Два противоположных подхода к тексту (онтологический, объективный и субъективный, психологический) сложились уже в глубокой древности. Первой подход – «вера в метод и его объективность» идет от Аристотеля и абсолютизирует объективность интерпретации, основанной на схематическом редуцировании и выявлении типического. Второй, основанный на идущем от алофатки иррационализме, как следствие порождает субъективизм интерпретатора.

В феноменологической герменевтике Г.Г. Шпета слово рассматривается как архетип культуры и слово есть архетип культуры, культура – культ разума, слова – воплощения разума...» [3, с. 380-381]. Связь интерпретации с определенным культурным типом манифестируется типологическим методом интерпретации, выдвигаемым в герменевтике А.С. Лаппо-Данилевского.

Постановка проблемы. Обращение к переводным сакральным текстам предполагает отказ от субъективной трактовки интертекстуальности. Идея о непосредственной связи слова и мысли, вещи и имени, лежащая в основе христианского вероучения и унаследованная феноменологической герменевтикой и онтологической теорией смысла (С. Булгаков, П. Флоренский, Г.Г. Шпет), не оставляет места для произвола интерпретатора. Сакральный текст – само в себе упорядоченное бытие, логически и иерархически организованная структура, в противовес хаосу постмодернизма. Неточность или неполнота интерпретации – всего лишь извечное свидетельство непонимания, простирающееся из неполноты человеческого знания.

Всякий сакральный текст, переводный или оригинальный, интертекстуален, поскольку создан путем варьирования и трансформации формул Священного Писания и Символа Веры. Лучшим подтверждением тому служат слова *«Послания патриархов Восточно-кафолической церкви о православной вере»*:

«Все сии книги (Триоди, Минеи) и прочии содержат *здоровое и истинное богословие*, и состоит из песней, или выбранных из Священного Писания, или составленных по внушению Духа, так что в наших песнопениях только слова другие, нежели в Писании, а собственно *мы поем то же, что в Писании, только другими словами*» (разрядка наша).

Текст гимнов создан переплетением мотивов, восходящих к различным источникам и жанрам (текст Священного Писания, гомилии, богословская литература), содержит «вкрапления», восходящие к более древней, до-христианской эпохе (на взаимосвязь произведений античности и христианской литературы указывал Ф. Аст). Заимствовались как отдельные формулы, «сплетающиеся» в новый текст, так и целые сюжетные блоки.

В каноне Вознесению:

ζητήσας τὸ ἐπὶ γῆς, *πλανομένον* πρόβατον, ἀπλανέσει λόγε τοῦτο συνέταξας καὶ ἀναληφθεὶς πρὸς οὐρανοῦς, ἐκάθισας ἐν δόξῃ, ἐκ δεξιῶν τοῦ σοῦ Γεννήτορος [138] - *кѣзнскаѧ на землѧ заклоужшѧ обчѧ · кѣ заклоужена хѣ снѧ сачетала еси · и кѣзнсѧ на небо · сѣде въ славе одесноую родителѧ [Тшп. 136 об.] / вѣзисскакѧ нже на землѧ блѡудѧщее обчѧ незаклоудныи слове [КТ, 566].*

В основу тропаря положена притча о заблудившейся овце, которую находит добрый пастырь [Лк. 1: 158]. В патристике приняты два основных толкования. По первому из них, наиболее распространенному, под заблудшей овцой подразумевается грешник, а под остальными – праведники. Это морально-нравственное толкование, основанное на представлении грешника в виде заблудшей овцы, известно раввинской традиции толкования и характерно для образной системы Ветхого Завета в целом, что демонстрирует взаимосвязь герменевтики, с одной стороны, и риторики с поэтикой – с другой (срв. н-р: ἐπλανήθη ὡς πρόβατον ἀπολωλὸς · ζήτησον τὸν δοῦλόν σου - [Пс. 118: 176]). Следует отметить и возникающий “эффект непереводаемости”: перевод на русский язык глаголами *найти* или *отыскать* приводит к обеднению смысла, поскольку греческое и славянское соответствие содержат сему, связанную с заботой и попечением.

По второму же толкованию, неизвестному предшествующей традиции и положенному в основу тропаря канона, под одной овцой «разумеется человек разумной природы, которую, когда она заблудилась, разыскал добрый пастырь... положил ее на свои плечи, ибо Он понес наши болезни и грехи ...и довел до самого дома, то есть до неба...Под сотнею овец ...мы разумеем ангелов, поскольку они словесны, т.е. разумны,

и кажутся к Богу ближайшими прочих тварей» (Толкование Феофилакта Болгарского на Ев. от Лк. 1-10).

Притча применяется к событиям Вознесения и преодолевается множественность аллегорической интерпретации, за которую упрекают последователей александрийской системы толкования (см., например, Г.Г. Шпет, А.М. Камчатнов). Притча принимает характер события, где догмат и реалья «неслиянно и нераздельно» соединены в образах Священной Истории. Заблудшая овца - человеческая природа, плоть, которую в своем Вознесении Христос «установил» на небесах, где пребывают «бесплотные чины».

Снятие лексических значений с конкретных ситуаций вызывает «приращение» смысла: $\pi\lambda\alpha\nu\acute{\alpha}\omega$ «заблудиться, потеряться; грешить, ошибаться», $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\eta}\varsigma$ «не блуждающий; незаблудный, безгрешный», $\zeta\eta\tau\acute{\epsilon}\omega$ «найти, отыскать; заботиться, радеть». Некоторые переносные значения у греческих слов появляются только в патристике: $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\eta}\varsigma$ «незаблудный, безгрешный». Под влиянием переносных и символических значений греческих слов складывается многозначность славянского слова: **ЗАБЛОУЖАШИИ, БЛОУДИИ, НЕЗАБЛОУДИИИ**. Конечным итогом языкового развития станет закрепление конкретных и переносных значений за разными лексемами: заблудший и заблудившийся, что представляет собой яркую специфическую особенность русского литературного языка, вызывающий своеобразный феномен «непереводимости».

Бытие текста в диахронии связано с герменевтическим феноменом непонимания как источника интерпретации. Ни один из славянских переводов не отражает точно греческий оригинал, ввиду сложности догматического содержания, стоящего за-текстом, а также пренебрежения герменевтическим принципом учета грамматики оригинала (в том числе определенного порядка слов, характерного для греческой гимнографии). В греческом тексте стоит форма Dat. Pl. с социативным глаголом «с незаблудными (безгрешными, неошибающимися) его сочетал» – $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ τοῦτο συνῆταξας. Отсутствие определенного денотата при $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ и анализ структуры слова позволяет усматривать еще более глубокое выражение в тексте идеи разумного миропорядка. Изначально $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\eta}\varsigma$ (α + $\pi\lambda\alpha\nu\acute{\alpha}\omega$) – астрономический термин, именующий так неподвижные звезды, созвездия – $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ ($\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\varsigma$), стоящие “в чину своем”, в противоположность планетам. Термин обретает новую жизнь в живом сознании церкви. Делаясь в церковном песнопении метафорой, еще не «снятой» с конкретной формулы, он применяется в византийской поэзии и к другим небожителям – святым: $\acute{\omega}\varsigma$ $\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\varsigma$ $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ τῆς **Ἐκκλησίας ἡκο** **звезди** **непеластия** (**неблазныя**) **црквн**. В живом бытии текста всякая антиномия, присутствующая в свернутом виде, может быть развернута в оксюморон или же сведена к оппозиции (антитезе). В тексте гимновской редакции определение $\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\nu\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ отнесено к заблудшей овце, что приводит к «оксюморонности» изложения: **ВЗНСКАІА НА ЗЕМЛИ ЗАБЛОУЖАША ОВЦА,**

БЕ ЗАБЛОУЖЕНА ХЕ СНО СЧЕТАЛА ЕСИ. Софиологическая антиномия (Бог и мир), связанная с идеей разумного миропорядка, потенциально, «в свернутом виде» присутствующая в греческом тексте, разворачивается в христологическую, связанную с восприятием Христом человеческой природы. В евфимиевской

редакции прилагательное ἀπλανής переосмысливается как атрибут Христа «незаблудный Слове», что приводит к углублению антитезы (Бог и мир, Творец и тварь, первый и Второй Адам). Возможно, в греческих списках имела место порча текста (отсутствие дифтонга в окончании), и вместо ἀπλανέσει (Dat. Pl) читалось ἀπλανεῖς Λόγε Lovge (Voc. Sg), «О незаблудный Слове!»

Интертекстуальные элементы, восходящие к тексту Библии и более поздним сакральным текстам, пронизывают невидимыми нитями язык и культуру христианских народов, организуя их в единый гипертекст.

В шараканах армянской церкви сквозной мотив основан на первом и более распространенном толковании, идущем еще от текста Псалтири (современный перевод на русский язык С.Т. Золяна):

Припадаю к тебе, *пастырь стада разумного,*

Ищи меня, заблудившегося,

Единственный многопрощающий [4, с.29]!

В беззаконии *заблудилась* душа моя,

Но не губи меня, Господи, за свершенное беззаконие,

Ведь ты ищешь *овцы затерявшихся* [ibid: 30].

Сквозные мотивы, восходящие к евангельскому тексту, наполняются новым содержанием в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности, варьируясь в зависимости от культурной и идеологической ситуации, целей и намерений автора, его социальной принадлежности. В полемичных сочинениях Ивана Вишенского в основу текстопостроения положен прием гипаллаги, центральный образ заменяется на противоположный, текст притчи приобретает полемичное звучание:

Шытаю вас зас, ксендзове бискупы, где *пастырям* тая власт назначена и узаконена, яко да вслѣд *блуду* и новых вымысл, собою набытых, из обороу законное, вѣчне уфундованое, *овца вытягают и в свою погибел...и тых вовлачат?* И зас где узаконено, яко *если видит овца пастыря в ров невѣрия впадша*, или въ огонь ереси вскочивша, или в водѣ прелести утонути умысливша, яко да и *овца вслѣд пастыря в тые погибелные мѣста за оным вскакует и явственно погибает?*

Вывод. Мотивы, восходящие к новозаветной (и еще древнее - раввинской) притче сплетаются в цовую ткашь, в очередной раз «преодолевая» многозначность интерпретации, не допускающую произвола, поскольку всегда представляют «развертывание» Единого Слова Божьего в многообразии человеческих языков и культурных традиций.

Источники

- ¹ Lampe G Триодъ Цветная XV в. (КТ) – ОРРК КГУ, рус.
2. Триодъ Цветная XIII в (Тип.) ОРК РГБ, рус.
3. Πεντηκοστήριον – Venetia, 1884.
4. V.- A Patristik Greek Lexicon // Ed/ G.W. H. Lampe. Oxford, 1961
5. Иван Вишеньский. Книжка // Украинська література XIV – XVI вв. – Київ: Наукова думка, 1988. С. 306-368.

Список литературы

1. Barthes R. Texte. // Encyclopaedia universalis. Paris, 1973. – Vol 15. – P. 78.
2. Артамонова Ю.Д. Современная философская герменевтика: основные стратегии исследования и диалоги с другими школами // Герменевтика в России. Вып. 1. – М, 2002. – С.69 -102.
3. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М., 1989.
4. Золян С.Т. Шаракан. Из армянской поэзии V-XV вв. Памятники древнеармянской литературы – Ереван: Изд-во Хорурдаин грох, перевод, составление, 1989.

**Чевела О.В. ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНІСТЬ І ДІАЛОГ КУЛЬТУР:
УНІВЕРСАЛЬНІ ПРИНЦИПИ ЗАСВОЄННЯ „ЧУЖОГО СЛОВА”
У ВТОРИННИХ САКРАЛЬНИХ ТЕКСТАХ**

У статті поставлено питання про об'єктивне трактування інтертекстуальності щодо вивчення й інтерпретації сакральних текстів.

Ключові слова: герменевтика, інтертекст, переклад, грецький, давньослов'янський

**Chevela O.V. INTERTEXTUALITY AND DIALOGUE OF CULTURES:
UNIVERSAL PRINCIPLES OF DEVELOPMENT OF AN ANOTHER'S WORD
IN THE SECONDARY TEXTS (ON THE GYMNOGRAPHY'S MATERIAL)**

In the article the problem of the objective intertextual treatment is put at the studying and interpretation of sacral texts. The author considers the text of hymns in a context of the dialogue of cultures, reveals universal primary elements, mechanisms of the initial formula's transformation.

Key words: hermeneutics, translation, the Greek and old slavic languages

Поступила в редакцію 20.02.2007 г.